

Зима. Ночь. Молодая женщина, закутанная в полушалок, торопливо идет по протоптанной дорожке к ферме на дежурство. Зимой сумерки наступают рано, поэтому колхозницам приходится идти на работу уже в темноте. Молодую женщину зовут Рамзия. Каждый день она трудится почти до потери сознания. Дежурят на колхозной овцеферме по два человека, ее же основная задача — ухаживать за ягнятами, это самое ответственное в период массового окота овец. Тогда наступают горячие дни и ночи. Ягнята рождаются почти ежеминутно. Нужно успеть принять новорожденного, унести в теплую комнату, вытереть его, чтобы не замерз, и постоянно присматривать, пока не поднимется на ноги, затем подпустить ягненка к матери. Бывает, некоторые молодые неопытные овечки со страху не подпускают к себе малышей. Тут нужно мастерство и умение, чтоб успокоить овцематку и заставить ее принять своего ягненка. А колхозная отара велика. На каждую работницу в смену приходится ни много ни мало почти по три сотни овцематок. Вот и крутись день-деньской, ни поесть тебе, ни отдохнуть вовремя. А еще и семья на плечах. Мужа в армию забрали. Кормить детей надо...

Послевоенные годы — не сытные. Страна еще в развалинах, поднимать ее надо было, вот колхозники, отрывая от себя, и отправляли все выращенное: мясо, зерно, другие продукты в центральные районы России, хотя самим бывало хоть на полку зубы клади. Взрослые еще понимали, а детям не объяснишь.

У Рамзии трое детей по лавкам. Старшему — Самату — четыре, средней, Гузалие, — три, а младшенькому, Булатику, не исполнилось еще и года. Вот и крутилась молодая женщина с утра до ночи. С работы вернется, сразу окунается в домашние дела: кушать приготовить, прибраться, постирать, воды натаскать, скотину убрать. Вертелась как белка в колесе. Все бы ничего, только не повезло Рамзии со свекровью. Уж больна та была неуживчива характером. Ладно бы была родной матерью ее мужу. Мачехой доводилась. Осталась одна, отец Азамата умер, деваться было некуда, нрав свой до поры и времени прятала. Когда пасынок был дома, она

маленького его побаивалась, все-таки мужик, да и сама в чужом доме. А как забрали Азамата, тут уж она развернула свой скверный характер во всей красе. Особенно она не любила детей. Видимо, из зависти, сама-то бездетная, вот мстила чужому бабьему счастью. Старшие, хоть и малы еще были, уже понимали и при голосе бабушки съеживались в комок, и ни звука. А младшенький, как на беду, плаксивый был. Особенно если есть хотел. Тут бывало только Рамзия и могла его унять. Свекровь в порыве гнева грозилась выставить детей на улицу: пускай, мол, померзнут, если не перестанут мотать ей нервы своим ревом. Особенно младшего, Булата, терпеть не могла за его постоянный плач. Как-то заявила: «Еще раз твой выродок мне спать не даст, на дорогу выкину, чтоб он сдох». Рамзия не обратила внимания на угрозу, чего не наговорит пожилой человек в порыве гнева, не верила она, что свекровь способна на такое злодейство: хоть и не родные, а все-таки внуки. Дни сменялись ночами, свекровь терзала невестку, как собака шапку. Рамзия молчаливо терпела выходки злой мачехи-свекрови, с нетерпением ожидала возврата Азамата. Он-то защитит их от вздорной женщины. А свекровь, видя безответность невестки, еще пуще ярилась, называя испуганных детей «нахлебниками».

С тяжелым сердцем оставляла Рамзия детей со свекровью, так как нигде их не оставишь, у соседей самих детей куча мала. И на ферму их никак не возьмёшь, не было у деток теплой одежды. В очередной раз, переживая по этому поводу, Рамзия пришла на ночное дежурство.

— Кызым, ну ты что опять нос повесила? Свекровь так и не дает тебе покоя? — участливо спросил Акбаш-бабай и успокаивающе похлопал по плечу: — Ладно, не переживай, никуда она не денется, будет смотреть за внуками, чай не зверь она. — И предупредил: — Смотри, надо быть начеку, сегодня уж очень студено, как бы ягнят не заморозить. Днем, вон говорят, двоих недоглядели.

— Хорошо, Акбаш-бабай, пойду я к ягняткам своим.

— Тырып тор але, кызым. Что я тут надумал для твоих детей. С ягнят, которые пали, мы можем снять шкурки, обработать их и затем сшить тулупчик и валеночки. Шкурок, конечно, потребуется много, но хотя бы на Булатика нашьешь и сможешь приводить его с собой на ферму, свекровь, глядишь, подберет, с двумя-то легче будет управлять, чем с тремя. А? Как ты думаешь?

Рамзия от души поблагодарила аксакала за его великолепную задумку.

Две недели прошли с того разговора, но за этот небольшой срок она смогла набрать достаточно шкурок на тулупчик сыну. Акбаш-бабай помог их обработать. Очень уж хотелось маме за ночь сшить из этих шкурок одежду для младшенького. Акбаш-бабай справлялся на ферме один (может, и не справлялся, однако, по-видимому, отвлекать маму от важной для нее работы не хотел). Рамзия надеялась уже сегодня, за время дежурства, закончить тулупчик. Осталось немного. Взяла свое шитье и стала аккуратно, маленькими стежками сшивать оставшиеся части тулука.

Сидя у теплой печки и светлой лампы-керосинки, Рамзия увлеклась работой, и незаметно воспоминания овладели ею. Каждая страничка ее нелегкой жизни развернулась перед ней. Особенно страшной была страница, когда началась Великая Отечественная война. Рамзие тогда было всего десять лет. Ростом махонькая, а уже была мамой. «Мамой» называли ее родные сестренки Резеда и Рамиля, потому как родителей у девочек не было. Когда отца репрессировали, а мать умерла, девочек забрали в детский дом. С тех самых пор девочка стала нести на себе «груз материнства», а говорить сестренкам, что она им вовсе не эсэй, почему-то не хотелось. Своим детским сердцем она понимала, каким ударом будет для сестреночек осознание сиротства. Вот так и стала она мамой. Опекала своих сестреночек, как

могла, обстирывала их, иногда подкармливала, отрывая от себя кусочек хлеба или же жмыха. Весенними днями сбегала с уроков на полянки и, глядишь, к концу занятий приносила сестренкам пучки щавеля, дикого лука, охапки сурепки. Вот так и жила. Об этих нелегких детдомовских годах Рамзия не забывала ни на минуту. Как бы тяжело ей ни приходилось управляться с «дочками», ее радовало то, что их не разлучили и они были вместе. Разлука постигла их после закрытия детского дома. Младших сестер забрали в разные семьи, а Рамзию взяла к себе женщина по имени Хамдия. Именно Хамдия и стала свекровью девушки, женив своего пасынка Азамата на Рамзие. Хамдия-эбей многому научила девушку по девичьей части воспитания, за что Рамзия была благодарна и даже иногда называла мамой. Потому-то странно и обидно было терпеть такое отношение ее к себе. В чем она провинилась? Часто свекровь ругалась, что устает с внуками, дескать, «они непоседы», а с маленьким вообще много хлопот, белья на него не напасешься, а его часто приходится купать и переодевать, невестка не обижалась на ее слова. Все-таки пожилая женщина, нервы сдают. Вот так за работой и воспоминаниями незаметно прошла ночь, время ее дежурства. Рамзия взяла тулупчик и заторопилась домой. Тут зашел Акбаш-бабай:

— Ну что, Рамзия, успела дошить за ночь?

— Ага, бабай. Посмотрите, какой ладный тулупчик получился, — не удержалась похвастаться молодая женщина.

Бабай взял одежку, с видом знатока прошелся по швам и кивнул головой:

— Ладная работа. Ну, давай с Богом. Беги домой. Смена кончилась. Дети заждались.

Радостная Рамзия вышла из теплой подсобки во двор фермы и сразу почувствовала, какой мороз на улице и как скрипит снег под ногами. На это она не обратила внимания и заспешила домой. Очень уж хотелось ей побыстрее примерить тулупчик на Булатика, и тогда она сможет уже утром взять сына с собой на овцеферму. Тишина разлилась по всей деревне. Даже не тявкали собаки. Наверное, попрятались от мороза. Из недалекого леса слышались выстрелы от трескающихся деревьев. И только узкая полоска рассвета предвещала наступление нового дня.

Откуда было знать Рамзие, что этот светлый наступающий день окажется самым черным в ее судьбе.

Приближаясь к дому, молодая женщина заметила темный бугорок на краю сугроба. «Вот коровушки, успели пометить свою дорогу», — развеселилась Рамзия, думая, что это коровий навозный бугорок, однако подойдя поближе, еле сдержала возглас. Рамзия разглядела замерзшее тельце ребенка. С замиранием сердца, осторожно разгребла снег и увидела... Это был ее Булатик... Она смотрела на трупик, но не хотела признавать в нем своего Булата. Она не верила глазам и не хотела верить в такую жестокую несправедливость. Она ли не голубила своих детей, она ли не любила их до слез в глазах, она ли не отрывала их из голодных лап смерти? Откуда-то из глубины души вырвался страшный крик, заставив вздрогнуть замершую тишину деревенской улицы. Захлопали калитки домов, послышались голоса людей. Что с ней происходило дальше, она не понимала и не помнила. Сидя на снегу, Рамзия прижимала к сердцу своего младшенького и смотрела невидящими глазами куда-то вдаль. Только мысль билась птицей в ее мозгу: «Это она, свекровь. Она сделала это. Все-таки исполнила свою угрозу. Выбросила сына на улицу. О Господи, Господи, что мне делать?» Без сил повалилась на снег молодая женщина.

Рассвет. Зачинается новый день. На краю сугроба лежит тулупчик.

Который сыну теперь не нужен.